

ПОКЛОН ПОЭТУ

В городе Сет, на берегу Средиземного моря, умер Жорж Брассенс, которому только что исполнилось 60 лет.

Его образ и имя стали во Франции символом Поэта. Именно таким вывел Брассенса Рене Клер в единственном кинофильме, в котором тот снялся: «Порт де Лиля» (в советском прокате — «На окраине Парижа»).

Сын каменщика из Сета, затем токарь на заводе «Рено» в Париже, насильно отправленный на работы в нацистскую Германию во время войны, он бежит оттуда и скрывается в Париже. После освобождения сотрудничает в различных газетах. Но еще с юности пишет стихи и сочиняет к ним музыку.

Лишь в 1952 году известная певица Паташу, услышав его песни, приглашает Брассенса в свое кабаре на Монмартре. Она рассказывала мне, что на первых представлениях вынуждена была держать начинающего артиста за руку за кулисами, чтобы он не бежал от страха.

Жорж выдержал, зато не выдержала публика, что сидит обычно в первых рядах. Зрители гневно стучали ногами, хлопали дверью при выходе. Другие, на галерке, прыгали от восторга.

В песнях новичка воронка, таскающий яблоки, и забитый крестьянин, каторжник и «дева радости» выглядят героями, а доброта «славных людей» ставилась под сомнение. Для жандарма, судьи, кура, которые были для него символами враждебного государства, певец не жалел разящих слов, но с какой нежностью он рассказывал о нищем, о бедной старушке, отвергнутой женщине.

Поэт воспевае дружбу и говорит о любви так, будто боится коснуться ее даже словом. «Много я знал кораблей, но лишь один прошел сквозь бури, то был плот под названием «Дружба превыше всего...». «Дурная репутация», «Горилла», «Я бродяга», «Садовые скамейки» — все первые сочинения поэта и композитора

стали классикой. Автор смеялся над жадным лавочником, лицемерным святошей и — о ужас! — над правом собственности. Он отвергал слепую веру, позорил тех, кто гнался за славой, издевался над всем, что свято для мещанина.

Поэт «маленьких людей» и повседневности, он говорил о цветущей сирени и об асфальте, о плохо отапливаемом жилье и тяжело шагающих крестьянских лошадях, о дымящемся теплом супе и об одоженных продрогшему незнакомцу дровах.

За грубоватую народную иронию, пронизывающую его стихи, и меткость характеристик, выраженных прекрасным языком, за красивые и легко запоминающиеся мелодии, своей прозрачностью похожие на музыку средневековья, за глубину и благородство чувств его стали называть самым галльским поэтом Франции. Его язык выбирал в себя все соки французской земли — он был смачен, как у Рабле, и остр, как у Вольтера.

Этот «младший брат» Вийона вошел в музыку, в литературу, в память народа задолго до этой осени. Вошел так, как жил, — без барабанного боя и трубного гласа. Ему хватило гитары и удивительно доброго, чуть грустного взгляда, о котором он сам сказал так: «Я не очень-то пользуюсь своими глазами, разве что для того, чтобы смотреть в глаза людям».

Поэт родился, вырос и провел всю жизнь среди простых людей. Даже в последние годы, в зените славы, он жил в маленьком старом домишке 15-го округа Парижа. Став славой Франции, он остался верен себе, раз и навсегда отвергнув ту систему звезд, которую навязывает артистам шоу-бизнес. Его жилье обступали высокие дома, а он по-прежнему сидел с гитарой под деревом в крохотном садике.

Выходя с гитарой на сцену в простом пиджаке, без галстука, он ставил ногу на стул, придвигал микрофон и пел под аккомпанемент сво-

его вечного и единственного спутника, контрабасиста Пьера Николя, не меняя позы весь вечер. Но ему в самом деле не нужны были ни сценические эффекты, ни умение жестикулировать.

Жорж Брассенс подарил французам 135 песен. «Всего» 135. Причем больше половины написанного он выбросил, ибо был чрезвычайно требователен к себе. Критика постепенно стихла. Притягательность образа певца усиливалась тем, что его жизнь соответствовала его поэтическому кредо. Многие хотели быть друзьями этого человека. Свое слово он не сдержал только раз. В одной из недавних песен Брассенс обещал «пойти на кладбище самой длинной дорогой». Это был первый случай его неверности. И последний.

Пораженный тяжелой болезнью, он продолжал работать и не собирался сдаваться. Иные хвалили его за «аполитичность». Ложь. Близкие поэту люди рассказывают, что каждую поэзию он

считал боем. Разве аполитична борьба с мещанством, разве нейтрален смех над злом? Не случайно Брассенса закрыли от объективов телевидения. За два с лишним года своей работы в Париже я видел артиста на телеэкране считанные разы, хотя эстрада занимает тут немало места. Бесталанных подражателей заокеанскому стилю, поющих к тому же зачастую по-английски, на экранах было пруд пруди, а «самого галльского певца» страны скрывали. Объясняли, что «народ не поймет поэта».

А ведь он сделал для французской литературы больше, иных знаменитых поэтов и велеречивых лауреатов модных премий. Пробиравшись через громкоговорители радио, баров, кафе, песни Брассенса несли людям настоящее искусство. Благодаря певцу французская поэзия сошла в повседневность. Недаром Французская академия еще 15 лет назад присудила ему Гран при поэзии и предложила баллотироваться

в академики. Но Брассенс отказался: поэту не нужна униформа, будь она даже академического покроя.

20 миллионов пластинок разнесли его песни далеко за пределы Франции. Целые поколения артистов выросли под влиянием мастера, хотя никто не осмеливался петь «под Брассенса»: истинный поэт неподражаем.

У могилы своего друга Жака Бреля, другого гиганта французского мюзик-холла, Брассенс сказал: «Люди, которых любишь, не умирают».

Зная о своей болезни, Брассенс уехал туда, где родился, в родной Сет, и ушел из жизни вдали от вездесущих репортеров. Он кончил жизнь так, как хотел: его похоронили на городском кладбище для бедных. А мы остались во власти его взгляда и голоса, его таланта чувствовать и умения передавать чувство словами и нотами в трехминутной трагикомедии, во власти мифа Брассенса, бессмертного мифа Поэта.

А. ИГНАТОВ,
соб. корр. АГН —
специально для
«Советской культуры».
ПАРИЖ.